

МОЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ ДАЧА, ОНА ЖЕ — ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ...

Первая встреча с ней у меня произошла в раннем детстве, благодаря поездке за город, к бабушке и дедушке. Они жили в большом русском селе Кырчаны Нолинского района Кировской области. Селом бывшая деревня называется тогда, когда в ней появляется церковь и школа. Всё это в Кырчанах имелось. И директором школы был мой дед Алексей Дмитриевич Решетников, а бабушка Анна Павловна преподавала там русский язык и литературу. Так что для них жизнь в Кырчанах была повседневностью, а для меня стала праздником свободы.

Впервые я появилась там полугодичной крохой. Моя мама тогда училась в институте и поэтому меня привезли в Кырчаны из Кирова. Бабушка и дедушка освободили маму для учёбы. Привезли меня в старинный поповский дом, который после революции был отдан учителям. У бабушки с дедушкой была там небольшая комната на втором этаже. Дом был двухэтажный с просторной верандой. Это всё я помню смутно. Но самое главное, что я дышала вольным воздухом, пила ключевую воду, парное молоко и ходила по зелёной траве по улице под названием Колхозная. Возле дома росли огромные тополя, на которых гнездились грачи. Весь день они галдели. И их громкие крики не пугали меня, а наоборот успокаивали. В огороде возле дома росла клубника сорта «Виктория», которой бабушка угощала меня тёплыми июльскими вечерами. И я не задумывалась о том, как бабушка и дедушка справлялись с моим воспитанием без элементарных удобств. Они топили печь, ходили за водой на ключ, расположенный под горой, да ещё вели уроки в школе. Однако справлялись. Многие, кстати, думали, что я их последняя дочка, а не первая внучка, настолько они были молоды.

Потом мы переехали на улицу Садовую. Деду, как директору школы, построили новый дом. Вернее, квартиру, так как дом был рассчитан на две семьи. На Садовой, как ни странно, была совсем другая природа, чем на улице Колхозной. Садовая находилась под горой, а там другой микроклимат. Даже температура на три-четыре градуса ниже. Особенно это ощущалось ночью. А днём, когда поднимаешься по Маленькой горе в центр села, то становится всё теплее и теплее. В Кырчанах четыре горы: Большая, Маленькая, Больничная и Почтовая.

Село достаточно зелёное. Идешь по Маленькой горе, как по зелёному туннелю. С обеих сторон тропы растут тополя, сирень, черёмуха, калина. А травы — выше человеческого роста. Про лопухи я уж не говорю! Они такие огромные, что их можно

использовать вместо зонтиков от солнца или дождя. Однажды мой муж, писатель Лев Кожевников подарил мне букет из огромных лопухов. Он ждал меня у подножия горы с этим необычным букетом. Дескать, какая будет реакция. Я звонко рассмеялась!

Я могу долго описывать природные красоты Кырчан. Кырчаны были и остаются для меня праздником. Там я проводила все каникулы, а в школе училась в Кирове. На улице Садовой в те времена было много детей. И местных, и приехавших на каникулы к родственникам из разных городов Советского Союза. Мы играли в различные игры: «12 палочек», «Чиж на коле», «Прятки», «Казаки-разбойники», «Штандер», «Съедобное-несъедобное», «Американку», «Колечко» и другие. Об этом, кстати, вполне можно написать книгу. Так получилось, что я была заводилой в этих играх. Во мне уже тогда зарождался организатор и рассказчица. Когда я начинала рассказывать содержание фильмов, которые посмотрела в городе, вокруг собирались не только мои ровесники, но и ребята постарше. Всей улицей мы ходили смотреть кино в клубе, билет на детский сеанс стоил 5 копеек. Ходили и на рыбалку на реку Вою. Нам было лет по пять-шесть-семь. У каждого была самодельная удочка. Мальчишки в 7–8 лет умели делать прекрасные удочки из ольховых веток. Леска, крючок, поплавок, и ты уже стоишь на берегу и ловишь либо пескарей на перекате Вои, либо окуней на мостках на Кырчанке. А когда начиналась пора ягод, нас отправляли за земляникой: «Пойдите в верески, наберите земляники к оладьям». Вересом на Вятке называют можжевельник. И мы всей улицей шли за село. На обратном пути обязательно кто-нибудь да запнётся за корень можжевельника, упадёт с полной кружкой земляники, рассыпет ягоды, заревёт и начнёт собирать их обратно в кружку. Обычно это была я.

Мы жили в природе естественно и первородно: лес, река, огород, игры на улице до самого заката. В самом раннем детстве я думала, что Кырчаны — это улица Садовая. И каково же было моё удивление, когда с компанией ребят оказалась на улице Советской! Для меня стало открытием, что есть другие улицы, другие люди и другие дома!..

А теперь о жизни творческой. Я довольно рано, лет в 12–13, начала сочинять незатейливые стихи. Этому способствовал случай. Однажды дед попросил меня прибраться в старом сарае. А там пачками лежали журналы «Юность» за 1962-й год. Всё! Пропало лето! Я с головой ушла в чтение незнакомой для меня литературы. А знакомой ещё раньше стал весь фонд Кырчанской библиотеки — он уже был мною перечитан. И — началось собственное сочинительство.

Памятник в Кырчанах на улице Советской

В стихотворчестве меня поддерживал папа. И, конечно же, первые мои стихи были посвящены Кырчанам, моей духовной родине, моей первой любви. Первой я осознала именно любовь к родине, а не «вздохи на скамейке и не свиданья у ручья». Не все это понимают и осознают. Родина — она ведь и первая, и последняя любовь. Вот и думается порой — хорошо бы увидеть напоследок из окна дома в Кырчанах улицу Садовую и тополя вдаль, которые кажутся вечными. Мы умрём, а они останутся.

Вот они, мои первые стихи, возникшие по дороге на весенние каникулы из Кирова в Кырчаны:

*На зелёном стареньком ЗИЛе
По весенней дороге катили.
Наскучалась дорога за зиму
По шуршащим колёсам ЗИЛов.
По ветрам и по солнцу тёплому,
И по дождю синему мокрому.
Ёлки машут макушками рыжими
Тополям, под машинку подстриженным,
А с берёз голубые серёжки
В кузов падают и на подножки.
Этот старый зелёный ЗИЛ
Много грузов разных возил,
Но серёжки с берёз голубые
Он везёт, наверно, впервые!*

Такая была жажда весны, любви, жизни! Как сейчас помню эту дорогу по весне. Через три часа я приеду в Кырчаны! Какое счастье!

Опишу обстановку в доме, в котором три комнаты. Большая комната называлась «зала». В ней стоял большой старинный стол на резных толстых ногах, в углу старинное же зеркало в раме на резных ножках с широким подзеркальником. Зеркало и стол были из одного гарнитура. Венские стулья. Две маленькие комнаты назывались «бабушкина» и «дедушкина» соответственно. В своей комнате бабушка проверяла тетрадки. Здесь стояла панцирная высокая кровать, резная этажерка с книгами, комод с постельным бельём и крепдешинowymi платьями по моде 40-х — 50-х годов и овальный стол с венским стулом. У деда в комнате стоял диван, полка с книгами, стол и стул. Всё строго и аскетично. Ничего лишнего. Надо сказать, что эта обстановка там сохранена и по сей день с небольшими изменениями.

На зимних каникулах обязательно была школьная ёлка. И мы, учительские дети и внуки, приходили в прохладную зимнюю школу, где стоял запах золы от печек и запах фиолетовых чернил. Мы читали возле ёлки незатейливые стихи про новый год, а за это нам раздавали подарки в пакетах из коричневой грубой обёрточной бумаги...

Выходит, что моя писательская дача начиналась в Кырчанах уже в детстве. Я, как и все сельские дети, работала на огороде, носила воду с ключа на коромысле, умела топить печку, щепать лучину специальным тесаком, мы с младшей двоюродной сестрой готовили обеды на всю семью, мыли полы... Но я ещё умудрялась писать стихи. А моя сестра учила их наизусть и декламировала на конкурсах и вечерах в своей школе в городе Ульяновске. И когда её спрашивали: «Кто автор стихов?», она отвечала: «Это малоизвестный поэт».

В стихах постоянно присутствовала кырчанская природа:

*Ей не ведомо, что Кырчанка,
Из подземных ключей беглянка,
Замирает в спокойной Вое
И уже не мечтает о воле.*

Рек вокруг Кырчан три: Прямик, впадающий в Кырчанку, Кырчанка, впадающая в Вою. А Воя — в Вятку. Вятка в Каму, Кама в Волгу. И когда я, нынешняя, купаюсь в Волге, у меня аж мурашки по телу — не от холода, от осознания того, что в Волге собраны воды моих любимых рек детства. В отрочестве я ходила поласкать бельё на ключ или на мостки к реке Кырчанке. Есть стихи и по этому поводу:

*Я пойду под мостик
Поласкать бельё.
Над рекою тучей вьётся комарьё.
Позову соседа —
Страшно под мостом.
Пусть гоняет мошек
Ивовым прутом.
Мы с ним целовались
И нестрашно было.
Коморы пищали,
А бельё... уплыло.*

В нескольких обустроенных ключах на берегу Кырчанки люди по сей день берут воду, хотя к домам проведён водопровод и стоят колонки. И я беру. Пусть у кого-то есть скважина во дворе — ключевая вода вкуснее! У неё вкус детства.

*Земля не спит,
Готовится ко сну.
Над ней грачи усталые кричат.
На коромысле дедовском несут
Два переполненных
Ведро с ключа.
Как холодны ведёрные бока!
Как серебрятся капли на весу!
Не чувствую я тяжести пока,
Надеюсь на грядущую весну!*

И вот ещё одно стихотворение про Кырчаны, которое особенно нравилось папе, он настаивал, чтобы я его в книгах печатала.

*Итальянская луна
Забрела в Кырчаны.
Апельсином прилегла
На берег песчаный.
Речку вброд пересекла
И, стряхнув росинки,
Понесла свои бока
Цвета апельсинового.*

*Мимо маленькой горы,
Мимо сельсовета.
На Кырчанские дворы
Брызнув ярким светом.
Соловьи, собравшись в хор,
Дружно голосили.
Наши губы с этих пор
Пахнут апельсином.*

В мои стихи просилась и кырчанская баня. Правильно построить баню — это целое искусство! Старая баня у нас сгнила. Помню — когда разбирали старую, на чердаке нашли огромное осиное гнездо. Хорошо, что оно было пустым. А то не миновать бы осиных укусов! Сруб для новой бани мы купили в деревне Карачи у знакомого председателя колхоза. Можно было нанять работников, в те годы многие рубили бани. Но папа собирал баню сам. Сам заготавливал мох в лесу, на который садил брёвна. А душа бани — конечно, печь! Папа не был печником, но сложил печку такую, что служила нам лет тридцать.

*Баня подоспела,
Я — скорей за дело.
Мою половицы,
Чтобы всё блестело.
На полок из бака
Я воды налью.
А в тазу берёзовый
Веник заварю.
Веточку черёмухи —
Больше аромата.
А ещё есть пихта,
Перечная мята,
Полотно льняное
Кожу промокать,
А брусничным квасом
Жажду утолять.
Квас плесну на каменку —
Пар загомонит.
Мыло земляничное
Огоньком горит.*

А после бани... Кто бывал в деревенской, тот меня поймёт. А кто не бывал, пусть захочет там помыться;

*После бани с косой распущенной
И в халатике из фланели
В душегрейке бабкиной плюшевой
Продвигаюсь я еле-еле.
Пью в сенях из ведра водицу —
До чего ж ключевая сладкая!*

*В доме пахнет душистой корицей —
Пирогі затевает бабка.
Упаду на кровать скрипучую
В белоснежный простынный сугроб
Бабка скажет: «Умаялась, внученька».
И положит ладонь мне на лоб...*

Связь моя с Кырчанами не прерывалась никогда. По сей день мы с мужем Львом Афанасьевичем Кожевниковым каждое лето приезжаем жить там. Подышать вольным воздухом, походить по траве на улице Садовой, набрать рыжиков в Кырчанской поскотине, ибо Кырчаны — это рыжичный край. И как горько осознавать, что нет уже ни бабушки с дедушкой, ни папы, который тоже каждое лето проводил в Кырчанах... Жива моя мама, хозяйка кырчанского дома, но ей 84 года, она уже не может каждое лето покидать городскую квартиру. И я понимаю, что прослойка, оберегающая меня, стала очень тонкой. Но ничего не поделаешь. Надо жить дальше.

*Золотую цепью солнца
Я прикована к июлю.
И к угорам, что надёжно
Пересыпаны клубникой.*

*Золотую цепью солнца
Я прикована к Кырчанам
И к воде, она струится
Из ключа в ведро хрустально.*

*Золотую цепью солнца
Я прикована к тебе.
Ты живёшь, не замечая
Звона сладостных оков.*

*Золотую цепью солнца
Я прикована к планете
И без этого планета
Не могла б существовать.*

Хотела на этом и закончить, но вспомнила ещё две строчки, без которых не могу обойтись:

*Что Земля действительно круглая,
Ощущаю я только здесь!*

